

**Терпимость и человеколюбие,
представленные в виде
трогательных повествований
Сочинение Карла Эккартсгаузена**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Т35

Т35 Терпимость и человеколюбие, представленные в виде трогательных повествований Сочинение Карла Эккартсгаузена / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 150 с.

ISBN 978-5-521-39116-5

ISBN 978-5-521-39116-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

господствуетъ между дикими ;
право остроумнаго между просвѣ-
щенными.

Тамъ человѣкъ, преслѣдуя дру-
гаго, измѣняетъ видъ свой ; гнѣвъ
въ устахъ его, гнѣвъ и въ рукѣ,
явно вооруженной. Здѣсь --- при-
тѣворство въ глазахъ; улыбающія
и уязвляющія; плачущія и изпор-
тающія жизнь, сожалѣющія и вмѣ-
стѣ грабятъ. Униженная, оскор-
бленная Природа ! возврати чело-
вѣкамъ права ихъ. На то ли
дала слезы ихъ очамъ, чтобы об-
манывать ? Для того ли являешь
улыбку на устахъ , чтобы вѣр-
нѣе вредить ? Видъ ласковый и
взоры умильные , чтобы лишить
жизни ?

Да истребится съ лица чело-
вѣческаго адское притѣворство ! да
царствуетъ на челѣ нашемъ не-
лицемѣрная Природа, --- и самою
упоноченностію да не унизимся
предъ грубыми дѣтьми Природы,

ной невинностію и чистою сердцем подобны Изогину.

Сей молодой человекъ родомъ Мавръ: Природа даровала ему сердце съ благородными чувствованіями. Онъ родился въ дикой странѣ Африки. Рожденіе Изогина стоило смерти его матери. Бальма лишилась жизни, давъ сей залогъ любви другу своему Жакеру.

Жакеръ, отецъ Изогина, былъ всеми любимъ за свое мужество и храбрость. Никто не превосходилъ его въ бѣганіи, никто не стрѣлялъ изъ лука такъ мѣтко, какъ онъ; къ тому же Жакеръ имѣлъ и сердце благородное: находилъ ли на берегу морскомъ рѣдкой камень, или прекрасную раковину; приносилъ ихъ къ друзьямъ своимъ, или вмѣсто жертвы, возлагалъ на жертвенникъ Бога, къ которому онъ поклонялся.

Жакеръ любилъ Бальму, Мавритянку, дѣвицу его достойную.

Сколо года наслаждался онъ невинными прїяшностями Природы. Часто рука въ руку гуляли они подъ тѣнью каштановыхъ деревьевъ , или , сидя у иссохшаго куста , разговаривали о нѣжныхъ чувствованїяхъ любви и дружбы. --

Бальма была прекраснѣе всѣхъ Мавритянокъ. Щеки ея въ мягкости равнялись атласу , а въ дѣтѣ орлу черному ; бѣлизна глазъ ея подобилась снѣжинкѣ , висящей на черной ежевикѣ ; кораллы были уста ея , а зубы являли блестящій рядъ жемчужинъ. Жакеръ былъ не менѣе прекрасенъ: ростъ его равнялся молодой пальмѣ ; глаза блиспали подобно метеору среди ночи; а губы уподоблялись пурпуру зари вечерней. Волосы его , вѣющїеся на головѣ мѣлкими кудрями , не уступали въ мягкости нѣжной волнѣ черныхъ аглицевъ.

Взглядъ Жакеровъ былъ нѣженъ,

и глаза, обращаясь къ Бальмъ, говорили выразительно.

Всѣ изъ черныхъ собратій его радовались его щастію; ибо въ сей странѣ не было еще въ обычаѣ домогаться ласкъ у чужой жены или любовницы. Здѣсь вредныя пары отъ несварившихся кушаньевъ не отправляли чистыхъ соковъ, а вина и пряные корни не воспаляли ихъ крови. Тихо, подобно кропкому истоку, обращаясь въ нихъ соки, не возмущали ихъ чистыхъ радостей. *Я люблю тебя и ты меня любишь*: было единственнымъ извѣщеніемъ любви ихъ. Сердце по чувствуешь, взоры извѣщаютъ, а уста твердятъ безъ приговора и лести. --- Бальмъ и Жакеръ наслаждались истиннымъ щастіемъ: часто, при тихомъ свѣтѣ мѣсяца, они прогуливались подъ мрачными кипарисами и устремляли

взоры свои на звѣзды, блиставшія надъ ихъ головою.

О Бальма! говорилъ Жакеръ : какъ великъ Богъ , Творецъ всего насъ окружающаго! Онъ невидимъ, но какое-то чувство меня влечетъ къ Нему. Ты чувствуешь ли это? . . . О Бальма! не Онъ ли посылаетъ намъ все радости? Не Онъ ли далъ мнѣ чувствовать любовь къ тебѣ, --- а тебѣ даровалъ такія прелести и сердце, которое такъ любитъ меня? --- Онъ, Онъ, Жакеръ опивъчала, Бальма: я тоже чувствую, что и ты! --- Пойдемъ, Жакеръ , подыдемъ руки къ Небу , и возблагодаримъ Бога , который добръ къ намъ , какъ Отецъ. --- Жакеръ и Бальма , насбиравъ раковинъ и улитокъ , сложили изъ нихъ жертвенникъ подъ кипарисовымъ деревомъ , и всякое утро возлагали на немъ чистыя приношенія. Жертвы ихъ состояли изъ цвѣтовъ и паху-

чихъ растеній, кои частію рассыпали они кругомъ жертвенника, частію возжигали на немъ взывая на Небо по внушенію ихъ сердца.

Позволь мнѣ, Бальма, сказалъ однажды Жакеръ, поймать какого-нибудь звѣря; я приведу его сюда и мы принесемъ его въ жертву Богамъ покровишелямъ. Пролитая кровь не можетъ быть Богамъ пріятна. --- Они, создавъ животныхъ для радостей, не могутъ находить удовольствія въ ихъ испребленіи. Волъ мой понятія о Божествѣ, продолжала Бальма. Станемъ лучше дѣлать добро всякому животному созданію, --- и тогда мы явимся предъ Божествомъ достойными существованія.

Слезы навернулись на глаза у Жакера, и вѣжной „поцѣлуй

былъ наградою добраго сердца Бадьмы.

Однажды, въ отдаленіи отъ своихъ рощей, прогуливались они въ необитаемой степи между утесовъ и кустарниковъ, --- и разсматривали прелести дикой природы. Слонъ животного поразилъ слухъ ихъ; они подходятъ ближе и видятъ раненую, бѣлую медвѣдицу при послѣднемъ издыханіи. Медвѣженокъ сосалъ мать свою. Жакеръ бросается къ медвѣдицѣ, вытаскиваетъ убійственную стрѣлу изъ раны, и хочетъ помочь ей; но трудъ его былъ напрасенъ; умирающій звѣрь наградилъ благодарностію Жакера взоромъ признательности. Медвѣдица посмотрѣла на медвѣженка, потомъ опять на Жакера, какъ будто желая сказать ему: жаль-ся надъ этимъ бѣднымъ пловреніемъ; его оставляю я; а меня, спаси уже не можешь. Медвѣдица

умерла; Бальма съ Жакеромъ взяла къ себѣ маленькое животное и его воспитывали.

Медвѣженокъ, по мѣрѣ возрастанія, опиставалъ отъ своей дикости; сдѣлался ручнымъ и служилъ забавою для Жакера и Бальмы. --- Смѣшныя кривлянья и скачки увеселяли по вечерамъ нашихъ любовниковъ; имъ даже было скучно, когда не видали они молодой медвѣдицы.

Бальма сдѣлалась беременною; и въ медвѣдицѣ замѣтили тоже. Доброе животное иногда уходило въ лѣсъ, но къ вечеру всегда возвращалось къ друзьямъ своимъ.

Наступило время родовъ Бальминныхъ, и сердце сильно билось у Жакера. Насталъ часъ -- Изотинъ родился, а Бальма умерла.

Кто былъ безумѣннѣе Жакера! взглядъ на младенца, взглядъ на умирающую супругу терзали трудъ нѣжнаго мужа.

Для чего Божество тебя похитило у меня? восклицалъ онъ ; изпоргло въ ту минушу , когда ты сдѣлалась для меня еще любви? О Природа! ты даешь мнѣ сына , и отъемлешь мать у младенца. За чѣмъ смерть существуетъ въ Природѣ? Для того ли узналъ я Бальму , чтобы почувствовать какъ тяжка разлука?

Ахъ ! какую радость вкушалъ я въ объятіяхъ моей супруги ! На нее смотрѣлъ , твердилъ ей , что люблю ее , было блаженствомъ моей жизни. Что стану я безъ нее дѣлать? Въ уединеніи , подобно... свѣташся по лѣсамъ , наполняешь ихъ спонами и щедро искаешь своей Бальмы.

О Бальма , Бальма ! — Восклицалъ Жакеръ. Вздохи сѣнснули грудь его: онъ повернулся на ей и орошалъ его пламенными слезами. Проснись , говорилъ онъ , проснись Бальма ! взгляни хотя

разъ на Жакера, прежде нежели закроешь глаза на вѣки; хотя разъ еще обойми меня, дабы я въ послѣднѣе могъ сказать тебѣ: просни! я пивой вѣчно. Безжалостная! ты покидаешь меня въ такое время, когда даешь мнѣ залогъ любви нѣжной? Если не хочешь жить для мѣня, то живи для сына, котораго родила ты.

О Природа! за чѣмъ дала мнѣ сердце, въ любви способное? Тщесны были сненанія Жакера: Бальма не пробуждалась. По долговременномъ безмолвіи взглянулъ онъ на сына. „Ты одинъ остаешься у меня, сказалъ онъ, — одинъ Изогинъ несчастный! (такъ буду называть тебя). Образъ твой всегда будетъ напоминать мнѣ о пивоей матери; ты будешь для меня залогомъ горестной любви моей и виною слезъ.“ Тупъ Жакеръ окинулъ вокругъ себя дики-ми взорами: и ты умрешь, вос-